

Кай

Автор:

Ян Мир

Кай

Ян Мир

Young Adult. Инстахит

«Я болен. Мне не покинуть остров. Нельзя оставлять тетю одну», – повторяю, как мантру, в то время как зеленые глаза Аерина прожигают меня насквозь. Не смотри, рыжий лис, я не пойду за тобой. Мы не будем выращивать розы в горшках. Место Кая – в королевстве холода и печали. Место Кая – здесь.

«Мы не имеем права быть друг без друга!» – кричишь в исступлении. И ты прав. Но думал ли ты о последствиях? Думал о том, что моя к тебе привязанность может не выдержать испытания, может свести меня с ума? Думал ли о том, что в попытке спасти рискуешь пойти на дно вместе со мной?

Ян Мир

Кай

Август

Ставлю ладони на влажное бревно, на котором сижу, и свешиваюсь назад, касаясь спиной мокрой травы. Скольжу взглядом по своим серым изношенным кедам, закидываю руки за голову, зарываясь пальцами в мокрую траву. Вдыхаю аромат леса полной грудью, впуская его внутрь себя, а затем медленно, с

наслаждением, выдыхаю из легких. Неторопливо облизываю губы, пробуя на вкус еще не вытесненный летним зноем запах недавнего дождя.

Достаю из кармана ветровки плеер с наушниками. Подняв к небу руки, разматываю постоянно запутывающиеся провода, разглядывая через узлы, как резкие порывы ветра гонят свинцовые тучи на запад.

Затыкаю уши и нажимаю на «плей», ограждаясь от всех звуков. Музыка врывается в сознание, вытесняя существующую реальность. Яркие образы, созданные воображением, подхватывают и уносят прочь. Я замираю и, кажется, даже перестаю дышать. Сердцебиение входит в один ритм с мелодией чужих городов.

Думаю, мне удалось ненадолго задремать.

Ощущение того, что я не один, заставляет резко распахнуть глаза и недовольно посмотреть на того, кто решил разорвать мое единение с природой. Конечно, им оказывается невысокий худой мальчишка. Его короткие рыжие волосы растрепаны и торчат в разные стороны.

Хитрые зеленые лисьи глаза пытаются прочитать мои мысли.

Должно быть, его зовут Аерин. Он садится на бревно, совсем рядом с моими ногами, и шумно выдыхает. Старый велосипед, доставшийся ему после трех братьев, прислонен к дереву. Наверняка мальчишка гнал всю дорогу, старательно срезая в самых опасных местах города, чтобы добраться сюда.

– Кай, где ты потерял свою Герду? – спрашивает он и тут же расплывается в широкой счастливой улыбке.

У меня уже зубы сводит от этого постоянного вопроса вместо приветствия. Помню, когда в первый раз сказал Аерину, что не понимаю, о чем он говорит, заставил его сильно удивиться, а после пришлось выслушать сказку о «Снежной королеве». Я не особо вслушивался, но из рассказа смог выцепить то, что это его любимая история, которую ему бабушка каждую ночь рассказывала перед сном.

В повествовании постоянно мелькал белобрысый паренек Кай, о котором взахлеб рассказывал Аерин. И, конечно, он что-то упоминал о блондинистой Герде. Девчонке, кажется, приходящейся сестрой Каю. А когда я снова не воткнул, Аерин на следующий день притащил помимо себя и своего велосипеда еще и книгу в красной потрепанной обложке. Пролистав несколько страниц и, наконец, поймав нужную, он с восхищением ткнул пальцем в картинку, на которой художник изобразил мальчика, собирающего ледяные кубики, стоя на коленях.

В ответ я только безразлично пожал плечами, показывая, что ко мне это не имеет никакого отношения. Мои волосы черные, я выше красочного Кая, с королевой не знаком и уж точно никакой Герды не знаю. Но, как выяснилось позже, такие мелочи не имели никакого значения для Аерина. Сославшись на то, что у меня задумчивый взгляд синих глаз, не слишком дружелюбный характер и точно такое же имя, он продолжал видеть во мне героя своей сказки.

– Давно лежишь? – вновь задает мне вопрос Аерин.

Продолжаю молчать, сосредоточенно глядя в его зеленые, с искорками веселья, глаза. Наверняка задумал какую-то пакость. Так и есть.

Он разворачивается ко мне затылком и сползает с бревна, падая рядом на спину. Его пальцы случайно касаются моего запястья. Кожу тут же обжигает огнем. Вспышка боли распространяется к плечу, а затем вгрызается в ключицу. Я внутренне съеживаюсь, слыша чей-то вопль в своей голове, и отдергиваю поврежденную конечность подальше от Аерина, старательно пытаюсь восстановить дыхание.

Замечаю, как мне кажется, красную полоску на своем запястье, где вот-вот должно проявиться клеймо, но ничего не происходит. Жгущая боль уже отступила. Кожа, как и всегда, бледная с голубыми венами, без каких-либо отметин.

Прикрываю рукой глаза и открываю рот. Зубы, до этого крепко сжатые, теперь ноют. Но это мелочь.

Аерин роется в карманах своих бесформенных, на два размера больше, чем надо, штанов темно-коричневого цвета. Елозит спиной по траве, от чего черная футболка, вечно спадающая с острого мальчишеского плеча, слегка задирается,

обнажая впалый загорелый живот. Найдя искомое, восторженно кричит, поворачивая голову ко мне, и расплывается в очередной счастливой улыбке, показывая белые ровные зубы.

Я дергаюсь и настороженно смотрю на цветастый пакет, зажатый в его пальцах.

– Знаешь, что это? – говорит он шепотом с заговорщицким видом.

Лисьи глаза слегка прищурены. Я убираю руку от лица, не забывая при этом держать ее подальше от Аерина, прекрасно понимая, что он может опять забыть и в порыве мальчишеского задора, так свойственного нашему возрасту и по понятным причинам обходящего меня стороной, прикоснется ко мне.

– Это семена роз, – с восторгом сообщает Аерин, а потом замолкает, ожидая от меня какой-то реакции.

Я все еще молчу, сочувственно глядя на него. Тогда он начинает так быстро говорить, захлебываясь фразами, что я боюсь, как бы он не забывал дышать. Но нет, все в порядке. С шумом втягивая ртом воздух между короткими перерывами, он вновь выстреливает в пространство словами, не заботясь о том, какой дискомфорт это причиняет моим изнеженным тишиной ушам.

«Я выпросил у бабушки, круто, да?»

Смотрю в упор на Аерина. Ну да, наверное. Может быть, не знаю даже. Пытаюсь понять, чему он так радуется, и как можно спокойней выдыхаю, прекрасно понимая, что любое непривычное движение с моей стороны он истолкует по-своему.

«Мы теперь сможем посадить розы на этой поляне».

Ну да, в лесу. Где для них нет подходящей почвы. Главное – не выдавать своего удивления по поводу его умственных способностей. Кусаю себя за язык, не позволяя маске безразличия упасть с лица.

«Представляешь, настоящие розы!»

Дышать. Медленно дышать. И не делать резких движений. Даже не закатывать глаза. Радужка со зрачком должна смотреть вперед. Только вперед, в лисьи восторженные глаза.

«Как ты всегда хотел!»

На секунду давлюсь воздухом. По счастливому лицу Аерина вижу, что он принял это за мою «искреннюю радость».

Лично я не припомню, когда хотел или хотя бы заикался о чем-то подобном.

Аерин неожиданно переворачивается на бок, а затем рывком располагается надо мной на выпрямленных руках, загораживая своей спиной слабые лучи солнца.

Я вжимаюсь в землю и стараюсь повторить движение черепахи, когда она скрывается в домике от опасности. Закрываю глаза, представляю себя в одиночестве. Пусть это будет берег. Да, на этот раз это будет берег. Волны теплого моря лижут мои ноги, руки. Шум. Должен быть шум моря. И он появляется.

– Прости, – доносится откуда-то голос.

Не понимаю, кто именно говорит. Хочу, чтобы море заглушило его.

– Я опять забыл.

Тень отступает, и я, открыв глаза, могу снова видеть свинцовое небо перед своими глазами. Только шум моря никак не хочет исчезать. Он становится уже надоедливым.

– Бабушка сказала, что поможет нам. Она расскажет, как выращивать розы. И как заботиться. – Тишина. – Кай?

До меня наконец-то доходит, что это я шиплю, выдыхая воздух сквозь зубы. Перестаю издавать странный звук, даже отдаленно не похожий на тот, который можно услышать, прислонив крупную закрученную ракушку к уху, и

успокаиваюсь. Сердце постепенно входит в привычный ритм.

– Я хотел бы уехать, – тихо и как-то по-взрослому говорит Аерин, отворачиваясь от меня к небу.

Протягивает руку к дождевым облакам, сжимает пальцы в кулак.

– И куда ты уедешь? – произношу равнодушно.

Мне правда все равно. Не имеет значения, останется он или исчезнет.

– Не знаю. Куда-то с тобой. – Он не смотрит на меня.

Его голос слегка дрожит. Не могу понять, от смущения или решимости. Скорее всего, второе.

– Со мной? – Глухо, пусто, без интереса.

Не стоит. Я не смогу выбраться из этого города, потому что не хочу. Потому что нет желания. Потому что плевать, где существовать.

– Да. – Уверенно, сильно. – Мы же друзья, – произносит счастливо Аерин, искренне веря в собственные слова.

Только вот мы не друзья. Мы даже не знакомые. Ты просто приходишь сюда, на мое место, и трещишь без умолку, не затыкаясь ни на минуту, мешая моему шаткому спокойствию. Врываешься безумным вихрем, снося все выставленные на твоём пути преграды, вторгаясь в чужое пространство, которое я так сильно оберегаю.

Но я не скажу такое. Мне плевать. Плевать и не хочу обидеть.

Закрываю глаза, наслаждаясь вновь воцарившейся тишиной, и засыпаю.

Просыпаюсь от того, что кто-то возится рядом, пытаюсь встать. Этим кем-то, конечно, оказывается веснушчатый мальчишка с вечной занозой в заднице.

Самый младший, четвертый в семье.

Поднимается, идет к оставленному средству передвижения. Я залезаю обратно на бревно и наблюдаю за тем, как в вечернем сумраке Аерин перекидывает ногу через раму, вырывает дребезжащую мелодию из звонка на руле. Смотрит на вечно сползающую цепь и тихо шепчет себе под нос, но я все равно слышу: «Я помню, у тебя гаптофобия».

Да, я болен гаптофобией.

Аерин садится на велосипед.

– До завтра, Кай, – говорит он, отталкиваясь от земли кроссовками, внешне такими же изношенными, как и мои серые кеды. – И приходи без Герды! – кричит, поставив ноги на педали.

Я все еще продолжаю неподвижно сидеть, пока след их двоих – Аерина и его велосипеда – не исчезает среди ветвей.

Сентябрь

Торопливо стаскиваю с себя толстовку вместе с футболкой. Бросаю верхнюю одежду на влажный песок, не особо заботясь о ее дальнейшей чистоте. Наклоняюсь и непослушными пальцами развязываю шнурки на кедах. Высвобождаю из них ноги, закатываю джинсы до середины икр. Первые капли дождя падают на голую спину, скользят по позвоночнику ниже. Сегодня обещали бурю, и я в предвкушении предстоящего веселья. Пульс стучит в висках. «Быстрее, быстрее», – подгоняю сам себя. Мне не терпится оказаться в центре событий, стать частью непогоды.

Я совершенно не боюсь того, что кто-то может мне помешать. Этот пляж дикий, скрытый от чужих глаз, окруженный со всех сторон высокими деревьями. Пришлось хорошо потрудиться, чтобы его отыскать.

Выпрямляюсь и с наслаждением, сначала медленно, осторожно наступая босыми стопами на мелкие камешки, а затем, не желая больше сопротивляться своему желанию, с брызгами вбегаю в беспокойное море. Его волны разбиваются о мои ноги, долетая каплями до середины груди. Кожа тут же покрывается мурашками. Я замираю и поднимаю голову вверх, зажимаюсь от удовольствия.

«Давай же», – шепчу. Я больше не могу ждать. Мне жарко, несмотря на резкие, холодные порывы ветра. Вода мутная, грязная, вперемешку с илом. На беспокойных волнах покачиваются ржавые листья и тонкие палочки. «Ну!» – не сдерживаюсь, кричу. Птицы, испуганные моим воплем, взлетают с ветвей.

Молния вспышкой прорезает небо, следом за ней раскат грома, такой же нетерпеливый, как и я сам. Почти сразу на землю сплошной стеной обрушивается дождь, мешая рассмотреть то, что находится впереди. Но это и не нужно. Там только море. Бесконечное море. И сколько бы я туда ни смотрел, ничего не изменится.

Эмоции зашкаливают. Таким свободным можно стать только в бурю.

Мне нужно вытолкнуть из своей души какую-то странную часть себя, ту, что больна, что мешает жить. Очередной раскат грома заглушает звук дождя. Я вцепляюсь пальцами в голову, выгибаюсь назад и кричу, срывая горло. Если бы я только мог, я бы растворился в этом холодном безжизненном море, чтобы начать жизнь заново, не боясь, что кто-то простым прикосновением может причинить нестерпимую боль. Жить, как другие, как все. Перестаю орать, только когда чувствую, что воздуха не хватает. Не сразу замечаю, как чей-то голос, надрываясь, зовет меня по имени.

Удивленно оборачиваюсь на звук, и волна, словно обиженная моим невниманием, сбивает меня с ног. Вторая накрывает с головой и утаскивает на глубину.

Сопrotивляясь стихии, выныриваю на поверхность. Отплываюсь от воды и в несколько сильных гребков достигаю берега.

На четвереньках отползаю от моря, и силы тут же покидают тело, я падаю спиной на мокрый песок. Дождь смывает соль с кожи.

Взглядом утыкаюсь в серые тучи. Их тут же загораживает голова Аерина. Конечно, кто же еще мог вычислить мое местоположение. Аерин сидит возле меня на корточках. Лицо бледное, губы трясутся. Он вымок до нитки. Таким я его раньше не видел.

Мое тело бьет дрожь, зубы стучат друг о друга. Я немного наглотался воды, и все же это не мешает смеху вырваться из моего горла. Пытаюсь понять, в чем причина такого спонтанного веселья, и не могу. Переворачиваюсь на бок, не прекращая смеяться. Взгляд сосредотачивается на велосипеде Аерина. Смех умолкает. Аерин всегда заботится о своем средстве передвижения, зная, что другого у него не будет, пока он сам на него не заработает. Его семья не богата, как и моя, поэтому позволить себе расшвыриваться, пусть и старыми вещами, мы не можем. Сейчас же его велосипед лежит в траве с выгнутым под каким-то странным углом рулем. Переднее колесо, прикрепленное к вилке, застыло в воздухе.

«Я в норме», – хриплым голосом говорю Аерину и с трудом поднимаюсь на ноги. Меня немного ведет в сторону. Аерин вскакивает следом и протягивает руку, чтобы поддержать, но вовремя вспоминает о гаптофобии и, разрываясь между желанием помочь и страхом причинить боль, отходит в сторону, дабы ненароком меня не задеть. Спасибо, в этот раз победил здравый смысл.

Пока я пытаюсь втиснуть в кеды перепачканные песком ступни, Аерин держит в руках верхнюю часть моей одежды, быстро вытаскивая футболку из толстовки. Я забираю у него вещи так, чтобы случайно не соприкоснуться пальцами. Выкручиваю излишки воды из мокрой ткани, хотя сейчас это не имеет никакого смысла. Дрожа от холода, надеваю по очередности сначала через голову красную футболку с глупым улыбающимся смайликом на груди, а затем и синюю толстовку. Одежда противно липнет к телу.

– Отличная погода, – говорю как можно непринужденней, скрывая смущение за свой, теперь уже кажущийся глупым, поступок.

– Ты далеко живешь? – голос Аерина, в отличие от моего, не такой спокойный.

– Что? – Я не совсем понимаю вопрос.

Какая разница, где я живу? Прочерчиваю ребром подошвы вертикальную линию на песке, глядя в испуганные зеленые глаза.

– Тут близко мой дом.

Еще одна параллельная полоска появляется рядом с первой.

– Мы можем доехать на велосипеде, – продолжает Аерин.

Я молчу. Жду, что он скажет дальше. Знаю, мое ожидание долго не продлится.

– Думаю, я живу ближе, чем ты.

Киваю. На самом деле я не знаю, кто из нас ближе к этому месту, но отчего-то решаю согласиться с его предположением.

– Можем заскочить ко мне и там переждать дождь. Я дам тебе свою одежду.

«Точнее, одежду, которая стала твоей после того, как из нее выросли твои братья», – думаю про себя.

– Ну, пока твоя не станет сухой.

Логично.

– Я подвезу тебя на багажнике.

Оглядываюсь на велосипед и прикидываю, что из этого получится.

– Тебе не обязательно трогать меня за талию, достаточно будет ухватиться за седло, и тогда мы... – краснея, говорит Аерин.

– Идет, – прерываю его сбивчивое бормотание.

У меня все равно на вечер нет никаких дел, так что могу заглянуть в гости. Ведь так делают друзья, да? Могу ли я считать его своим другом? Пока не уверен, но

раз он первый решил навязать мне такой непростой способ общения, то уступлю.

Аерин успел поднять свой велосипед и даже сесть на него, так что теперь ждал, пока я заберусь на багажник. Дважды меня просить не нужно. Вцепившись пальцами в седло, я слегка кашлянул, показывая, что уже можно крутить педали.

Дорога от дождя размокла. Велосипед качало и трясло из стороны в сторону. Я начинал волноваться, доедем ли мы на этой скрипучей штуковине до дома Аерина, выдержит ли он нас двоих и не сломается ли на полпути. В голове уже мелькали образы, как Аерин тащит на себе велик, а я вышагиваю рядом.

Велосипеду нужно отдать должное: героически стерпев двоих наездников, он только у самого дома решил сбросить со звездочки цепь.

Дом, милый дом

Резкие порывы ветра швыряют в лицо струи ледяного дождя вместе с грязью, гнут ветви деревьев, срывают листья.

– Приехали, – говорит Аерин, стуча зубами от холода, когда мы останавливаемся у каменного забора, обвитого плющом.

На всякий случай решаю уточнить:

– Что ты имеешь в виду? То, что мы около твоего дома, или то, что велик дальше не поедет?

– Все вместе.

Слезаю с багажника, случайно наступая в лужу. Кеды теперь окончательно промокли. Аерин, перекидывая ногу через седло, оборачивается на меня.

– Кай, ты...

– Я знаю, – резко обрываю его на полуслове. – Так и задумано.

– Точно? – слегка ошарашенно спрашивает у меня.

– Их давно пора было стирать, – говорю, нарочно перебирая ногами в воде.

– Как скажешь, – медленно произносит он и отворачивается.

Это наш первый длинный диалог, бо?льшую часть которого я, вместо того чтобы молчать, высказываю мысли вслух. И судя по тому, как покраснели кончики ушей Аерина, он тоже это заметил. Надеюсь, он не сделает из этого знаменательное событие и не станет праздновать каждый месяц.

Аерин, придерживая велосипед за руль, свободной рукой толкает невысокую деревянную калитку. Мы заходим во двор, осторожно двигаясь по скользкой из-за дождя траве. Останавливаемся у высокого дуба рядом с двухэтажным домом из красного кирпича. Аерин, продолжая трястись от холода, поднимает с земли цепь и, пропуская ее под раму велосипеда, приковывает транспорт к дереву, скрепляя между собой два звена на замок. Правильно, иначе могут украсть. Металлолом везде нужен.

Пока Аерин стаскивает с ветки дуба брезент и укрывает им велик от дождя, я изучаю его дом. Смотрю на деревянное крыльцо, покрашенное, как и ставни окон, в белый цвет. Рядом с дверью на древке развевается флаг Ирландии.

– Ты ирландец? – спрашиваю с целью завязать хоть какой-то диалог.

Ничего другого мне в голову не приходит. Не знаю, зачем нужно поддерживать разговор. Однако что-то подсказывает – так будет вежливо.

– Да, – коротко отвечает Аерин и направляется к крыльцу, потирая замерзшие пальцы.

Немногословен, замечаю про себя.

По пути он оборачивается на меня, словно боится, что я в последний момент одумаюсь и сбегу. Напрасно. Я уже решил идти до конца. Поднимаюсь следом за

ним по ступенькам. Одна жалобно скрипит под моей левой ногой. Звук сливается с завыванием ветра и уносится прочь.

Аерин хватается за ручку и распахивает дверь. Как только мы оказываемся в укрытии, яростный порыв ветра тут же с шумом захлопывает ее за нами.

В паре шагов от нас коридор перетекает в кухню, где общаются между собой два парня чуть старше меня и Аерина. Один из них взобрался на стол и, что-то рассказывая, машет другому руками. Второй, со знакомыми мне уже искорками в глазах, показывает язык первому. Тучная женщина, чьи каштановые волосы с седыми прядями заплетены в толстую косу, замахивается полотенцем на одного из них, говоря при этом: «Живо, слезь со стола, amadan[1 - Глупый человек (пер. с ирл.).]». Тот со смехом вскакивает на ноги, успевая уклониться, и получает легкий подзатыльник от своей копии. Разворачивается, чтобы дать сдачи, но фраза женщины: «Если будете драться, вытолкаю на улицу», – разрешает все разногласия. Судя по тому, как притихли близнецы, она не шутит.

– Бабушка, я дома. И я с другом, – не слишком уверенно подает голос Аерин.

Женщина разворачивается и замирает. Ее грозный взгляд сначала рассматривает внука, а потом задерживается на мне.

– Живо в ванную! – громко приказывает она. – Одежду на полотенцесушитель, – продолжает командовать.

– Ты смотри, – говорит один из близнецов, залезая обратно на стол.

Словно почувствовав это, женщина тут же разворачивается и повторно замахивается полотенцем.

Аерин тем временем взлетает по лестнице на второй этаж и, поторапливая меня, машет рукой. Ощукая на своей спине рассерженный взгляд женщины, перепрыгиваю через ступеньки и добираюсь до Аерина. Он быстро пробегает часть коридора, останавливаясь в самом конце. Распахивает дверь своей комнаты, ныряет внутрь, хватая с кровати уже готовый комплект одежды и выбегает обратно, протягивая его мне со словами: «Ванная в другом конце, вторая дверь слева. Полотенце для гостей желтое. Оно чистое». Говорит сбивчиво, указывая направление пальцем: «Поторопись». Видимо, тоже не хочет

злить бабушку.

Оказываясь в ванной, закрываю дверь на хлипкую защелку. Стаскиваю со своего худого бледного тела всю мокрую одежду и аккуратно, следуя указаниям главного в этой семье, развешиваю на полотенцесушитель у стены. Кеды ставлю под ним же. Ступаю босыми ногами по полу, устланному синим кафелем до душевой кабины, залезаю внутрь. Бережно поворачиваю вентиль сначала с холодной водой, а потом с горячей, регулируя нужную температуру. Тру предплечья руками, старательно пытаюсь избавиться от остатков холода, казалось, въевшихся в самую душу.

Закончив с ванными процедурами, натягиваю белую футболку и серые шорты до колена. Оглядываюсь и нахожу зеленые резиновые тапочки слева от душа. Думаю, Аерин не будет против, если я их на время позаимствую. Сейчас они меня устраивают больше, чем собственные сырые кеды.

Над раковиной, на белом кафеле, висит запотевшее зеркало. Я подхожу к нему ближе и рукой протираю часть гладкой поверхности. Вглядываюсь в острые скулы, прямой нос, высокий лоб, в тонкие губы. На нижней, у самого левого края, вертикальный шрам. Замечаю, что мои черные волосы слегка отросли за лето. Убираю мокрые пряди с лица и всматриваюсь в синие, как озеро, глаза. Хмурюсь.

Отвлекает меня от своего отражения слабый стук в дверь. Открываю ее и смотрю на рыжеволосого, ниже меня на голову, продрогшего Аерина.

* * *

Пока он в ванной, жду его в комнате. Она, конечно, небольшая, но из-за малого количества мебели кажется довольно просторной. Старый шкаф до потолка с отломанной дверцей, поцарапанный стол, которому, по всей видимости, уже перевалило за десятку, стул из темного дерева, узкая кровать, полки, забитые книгами до отказа, гитара в углу. Свет с улицы, проникая сквозь широкое окно, освещает часть стола вместе с раскинутыми на нем листками альбомного формата, на которых корявой рукой старательно нарисован уже знакомый мальчик с ледяными кубиками. Задерживаю взгляд на рисунке, а затем отворачиваюсь. Прохожу в дальний угол за гитарой. Беру ее в руки и усаживаюсь на жесткую кровать. Стираю пыль с задней части грифа, пробегаюсь пальцами по струнам. Нескладный звук наполняет комнату.

Прислушиваясь к нему, замираю. Как только он исчезает, повторяю все сначала.

За этим занятием меня застаёт Аерин. Он садится рядом. Слишком близко. Я отодвигаюсь, прекрасно помня об особенностях его памяти.

– Зря ты меня сюда привел, – равнодушно говорю, как только стихают струны.

– Почему?

– Твоя бабушка не очень мне рада.

– Наоборот, – яро возражает Аерин, вскакивая на ноги. – Просто она беспокоится. Мы ведь промокли и можем заболеть.

Это кажется странным. Я поднимаю на него глаза и удивленно молчу. Не знаю, что ответить. Мысль о том, что кто-то беспокоится за меня, кажется непривычной и дикой. Хочется встать, выйти. Уйти за пределы этого дома и больше не возвращаться.

– Это твой рисунок? – Вместо этого киваю головой на стол.

– Мой, – тихо признается Аерин.

Ну, конечно. Кто же еще так сильно одержим сказкой про Снежную королеву?

– Понятно. – Ставлю гитару обратно в угол.

– Я не очень люблю рисовать, потому что у меня не получается, но я выбрал дополнительным предметом изобразительное искусство из-за бабушки. Она мечтала, чтобы в нашей семье хоть кто-то... – Он замолкает.

Пожимаю плечами.

– А что бы ты хотел нарисовать? – с жаром задает вопрос Аерин и тут же краснеет.

Равнодушно смотрю на то, как он, глядя в пол, от волнения сжимает и разжимает кулаки. Не знаю, откуда у меня появляется это глупое желание смутить его еще сильнее.

– Тебя, – произношу ровным голосом. – Я бы нарисовал тебя.

«А потом повесил бы картинку с другой стороны двери своей комнаты и подписал: «Не входить». Но уверен, что и это бы не спасло меня от твоего вечного присутствия». Я не говорю ему об этом, держу в голове.

Аерин резко поднимает голову, смотрит на меня счастливыми глазами и робко улыбается. На этот раз уже я отвожу взгляд. Боюсь заразиться от него какой-то странной глупостью, которой он, по всей видимости, болеет очень давно. Мне и своей гаптофобии хватает.

Воображение подсовывает картинку, где я со счастливой улыбкой бегу обниматься к незнакомым людям, а потом с воплем отскакиваю от них и затем, через секунду, забывая о том, что прикосновения – это боль, допускаю ту же самую ошибку. И так пока сердце не разорвется. От счастья или от невыносимых ожогов.

– Мальчики, кушать, – доносится с первого этажа громкий голос бабушки.

Мы спускаемся. На кухне тепло. Огонь, пожирая поленья, весело потрескивает в камине. На столе две дымящиеся миски, до краев наполненные мясным бульоном с картошкой. Я принохиваюсь. Желудок издает странный звук, больше похожий на голодную песнь кита. К счастью, никто не обращает на это внимания. Бабушка садится вместе с нами за стол, подпирая подбородок левой рукой, и смотрит на то, как мы с Аерином сметаем содержимое мисок. Я давно уже не ел нормальной домашней еды, поэтому стараюсь насладиться каждой ложкой, но все равно большую часть просто проглатываю не разжевывая.

– Привет. Я Руэри, – говорит один из близнецов, когда я доедаю остатки.

– А я Эбер, – подхватывает второй.

Внешне они очень похожи, если бы не одно но. У Руэри на правой щеке три родимых пятна образуют между собой треугольник.

– Ты ведь Кай, да?

– Мальчик из сказки?

– Друг Аерина?

Они задают вопросы, перебивая друг друга. Я даже не успеваю на них отвечать. Но, как оказывается, им это и не нужно.

– Ну наконец-то, – со счастливым видом выдыхает Руэри, откидываясь на спинку стула.

– А мы-то думали, он отстаёт в развитии. – Эбер покрутил пальцем у виска, показывая, в каком именно месте считает брата отсталым.

– Эй! – обиженно воскликнул Аерин, но его тут же заглушил совместный крик братьев.

– У меня в его возрасте уже была куча друзей и девушка! – каждый из них бьет себя ладонью в грудь.

– Он такой тихоня, – с наигранной лаской в голосе, прижимая руки к сердцу, говорит Эбер.

– Ну, ты преувеличиваешь, – тут же отзывается Руэри. – В прошлом году он был на неделю отстранен от учебы за разбитое окно в классе.

– Это когда он решил спасти своего одноклассника от задир? – включается в игру близнец.

– Нет, тогда Аерина отстранили на две за разбитые носы четырех ребят.

– О, тогда, может, ты говоришь про тот случай, где он обыграл на деньги в покер старшеклассников?

– Не думаю. Там отстранение длилось три недели.

– Ах, точно, окно он разбил при игре в футбол, – Эбер вздыхает так, словно предается счастливым воспоминаниям.

– Такой милый мальчик, – снова в один голос, ласково, говорят братья и переглядываются.

Аерин обиженно сопит за столом и грозно смотрит на близнецов. Бабушка хмыкает в полотенце, наблюдая за разговором. Я же крепко сжал зубы, чтобы случайно не сболтнуть еще о некоторых особенностях Аерина.

– Так ты учишься вместе с нашим братцем? – обращается ко мне Руэри.

– В начальной и средней школе у меня было домашнее обучение, – говорю равнодушно, но на самом деле надеюсь, что никто не станет заострять на этом внимание. – После выходных должен пойти в старшую.

– То есть тебе пятнадцать лет, как Аерину?

– Исполнится в сентябре.

– Аерин, слышишь, ты старше, – обращается к брату Эбер.

Пропускаю мимо ушей.

– А что за школа? – продолжает допрашивать меня Руэри.

– Школа старшего Роберта.

– Названная в честь того мужика, который построил на свои деньги больницу для детей? Он теперь каждый год ее материально спонсирует, – включается в разговор Эбер.

– Она самая, – киваю.

– И ты теперь будешь в нее ходить каждое утро? – спрашивает Аерин.

В его глазах загорается надежда. Такое чувство, что мне никогда не отделаться от этого настырного мальчишки.

– Да.

– Ну, тогда удачи, друг, – говорит Эбер, делая вид, будто что-то скрывает.

Меня это немного напрягает. Заметив мое беспокойство, Аерин под столом бьет Эбера по ноге. Тот в ответ выпучивает глаза и разводит руками в сторону.

– В этой школе учатся бедные дети, – впервые за все время нашего разговора говорит бабушка.

– Вроде нас, – смеется Руэри, поднимаясь со стула.

– Я такой же, – произношу ровным голосом.

Скрывать или стыдиться нет смысла. В этом городе практически каждая семья нищая.

Ветер уже не такой сильный. Вместо ливня теперь моросящий дождь. Прозрачные капли, лениво обгоняя друг друга, скользят по гладкой поверхности окна со стороны улицы.

Думаю, мне нужно будет в скором времени возвращаться домой.

– Ладно, мы пошли. – Эбер встает из-за стола вместе с Руэри, и они двигаются по направлению к входной двери.

– Куда? – голос бабули заставляет их вздрогнуть. – Хотите вымокнуть так же, как эти двое, и быть похожими на мокрых мышей? К тому же сегодня ваша очередь мыть посуду.

Близнецы закатывают глаза и возвращаются на кухню. Быстро хватают наши с Аерином миски со стола и несут в раковину. Пока первый моет, второй вытирает, сняв полотенце с крючка.

– Кстати, Кай, – немного озадаченно говорит Руэри. – Ладно, Аерин, но ты-то как умудрился настолько сильно вымокнуть? – Прислонившись поясницей к раковине, он насухо вытирает последнюю миску.

– Я плавал. – Не люблю врать.

– О, – пораженно восклицает, пока Эбер вытирает руки о край полотенца, которое он все еще держит. – И как водичка?

– Довольно прохладная. – Не свожу взгляда с лица Руэри.

– Ну, я тоже любитель поплавать, – признается он, прекращая свое занятие. – Теперь понятно, почему Аерин так хочет с тобой дружить.

Не совсем понимаю, что он имеет в виду.

– Вы, ребят, друг друга стоите, – объясняет мысль брата Эбер.

Серьезно? Оглядываюсь на Аерина. Нет, не думаю, что мы друг друга стоим. У нас разная сдвинутость по фазе.

– Ну, Мария, теперь мы можем идти, – заявляют близнецы в один голос.

Такая официальность по отношению к бабушке кажется мне немного странной. Они встают с разных от нее сторон, целуют в щеку и проходят мимо нас. По пути Руэри ерошит волосы Аерина. Эбер тянется к моим, видимо, хочет повторить, но я с резким грохотом отодвигаю стул и успеваю уклониться от его пальцев.

На кухне повисает молчание. Становится неловко. Нужно было сразу уйти, как только получил сухую одежду. Знал же, что нельзя подпускать к себе других людей. Сейчас они начнут коситься на меня и попросят покинуть дом. Сжимаю зубы. Такое чувство, будто сердце глухо стучит в горле.

– Он болеет, – ровным, спокойным голосом говорит Аерин, прерывая тишину. – Ему больно от прикосновений других людей.

– Оп, прости, – Эбер убирает от меня руку. – Предупреждать надо, – это уже брошено Аерину.

– Он хочет сказать, что не хотел тебя обидеть, – объясняет Руэри.

Я только киваю, все еще напряженно ожидая дальнейшего развития событий.

– Спокойной ночи, малыши, – со смехом говорит Эбер, направляясь к входной двери.

Близнец следует за ним, и вдвоем они выскальзывают на улицу.

– А ты? – обращается ко мне бабушка.

– Я тоже пойду. – Просить дважды не нужно.

– Я не об этом, – отмахивается от моих слов. – Я спрашиваю, не хочешь ли ты остаться у нас на ночь? Сейчас уже поздно.

Смотрю на настенные часы. Время перевалило за девять.

– Да ничего, дойду, – пожимаю плечами.

Я живу с тетей в одном доме. Точнее, не уверен даже, что она приходится мне тетей. Когда мы с ней познакомились, мне было четыре года. Кто-то, кого я не смог запомнить, привел меня на порог ее дома и сказал, что теперь я буду жить здесь. В общем, у меня есть крыша над головой, а у нее деньги, которые государство будет перечислять ей до моего совершеннолетия.

– Оставайся, – подает голос Аерин, вскакивая на ноги. – Мы можем лечь на полу и разговаривать всю ночь.

Теперь уже точно пора бежать. Я не выдержу его болтовни. К тому же, если мы будем спать вдвоем, во сне он случайно может меня задеть. А провести всю ночь, вздрагивая от каждого шороха – не самая лучшая идея.

– Оставайся, – ласково повторяет бабушка Аерина.

Не могу сопротивляться. Понимаю, что проиграл, и сдаюсь.

– Постелешь мне на полу, а сам ляжешь на кровать, – говорю Аерину.

Он поднимает большой палец, показывая, что понял, и уносится в свою комнату готовить место для сна.

Я благодарю бабушку за ужин и направляюсь следом за Аерином.

– Зови меня Марией! – кричит бабуля мне вслед.

Я замираю с занесенной ногой над первой ступенькой лестницы.

– У меня еще вся жизнь впереди, – смеется.

«Хорошо», – думаю про себя и, стараясь как можно меньше удивляться такому необычному семейству, продолжаю подъем на второй этаж.

* * *

– Ты спишь? – задает мне вопрос Аерин, когда мы лежим каждый на своем месте в его комнате.

Я делаю глубокий вдох и долгий выдох, имитируя крепкий сон.

– Если хочешь, то можешь взять гитару себе.

Прислушиваюсь.

– Ну, знаешь, из нас четверых никто на ней не играет, и она просто пылится. Так что если хочешь, то забирай насовсем.

– Спокойной ночи, – говорю, переворачиваясь на другой бок, чтобы не видеть Аерина. – Спасибо, – добавляю совсем тихо.

– Пожалуйста, – он отвечает слишком громко, словно хочет перебудить весь дом.

Вздрагиваю от его выкрика и сердито закрываю глаза, стараясь не думать о том, какое сейчас у Аерина выражение лица, но уже слишком поздно.

* * *

Я просыпаюсь первым. Некоторое время еще лежу на матрасе, прислушиваясь к ровному дыханию Аерина, а затем, выпутываясь из одеяла, встаю на ноги. Стараясь не шуметь, вытаскиваю гитару из угла. Случайно задеваю одну из струн, и она тут же отзывается мелодией. Замираю на месте, чувствуя, как за спиной, на кровати, зашевелился Аерин. Медленно, даже не дыша, поворачиваюсь и смотрю в его сторону. Он просто перевернулся на другой бок, продолжая все так же спать. Выдыхаю.

На цыпочках выхожу из комнаты и иду в ванную. Гитару прислоняю к стене в коридоре. Наскоро ополаскиваюсь, а затем переодеваюсь в свою высохшую за ночь одежду. Кеды, правда, все еще сырые. Спускаюсь по лестнице вместе с инструментом. На кухне пахнет яичницей и жареным беконом. За столом уже сидят сонные близнецы. Заметив меня, они вяло улыбаются.

– Шлялись черт знает где, а вернулись под утро, muddle[2 - Бестолочи (пер. с ирл.).], – отчитывает Мария внуков, ставя на стол еще одну тарелку с едой. – Садись, – предлагает мне.

– Нет, спасибо, мне уже пора.

Знаю, что тетя волноваться обо мне не будет, и тем не менее не хочу оставаться здесь дольше положенного. Боюсь, что не смогу потом, после такого теплого отношения, войти в привычное русло своей жизни.

– Точно? – спрашивает Мария, а затем замечает у меня в руках гитару. – Аерин подарил?

– Да.

Надеюсь, я не сделал ничего плохого.

– Руэри, – обращается к внуку.

Тот сразу вскакивает с места и выходит в коридор. Пока Мария перекладывает еду в пластиковую одноразовую коробку, а затем в пакет, Руэри возвращается обратно, неся в руке толстую книгу. Протягивает мне. На синей обложке белыми буквами написано: «Самоучитель для игры на гитаре».

– Бери, – говорит Мария, передавая мне пакет с завтраком. – Мой муж играл на гитаре. Их дед, – кивает в сторону близнецов. – У них такого таланта нет, а мне не хочется, чтобы инструмент сгнил. Аерина будить не будешь?

– Не стоит. Пусть спит.

С благодарностью забираю угощение и очередной подарок. Прощаясь с семьей Аерина, выхожу на улицу и бреду по направлению к своему временному – до совершеннолетия – дому. Накрапывает мелкий дождь. Резиновая подошва кед не спасает от холода земли, порывы ветра становятся сильнее. Накидываю на голову капюшон толстовки и поднимаю глаза к тучам. Будет ли сегодня еще одна буря?

С такими мыслями дохожу до своего дома. Он небольшой и по виду больше напоминает старую коробку, нежели жилое помещение.

Минуя заросший двор, где стоит ржавый пикап без двух колес и мотора, добираюсь до лестницы со сгнившими ступеньками. Перешагивая через дыру в одной из них, поднимаюсь к покосившейся двери. Чтобы ее открыть или закрыть, приходится прикладывать усилия. Захожу внутрь дома. Как всегда, пахнет спертым воздухом. Направляюсь в свою комнату, отшвыривая носком кед попадающиеся на пути выпотрошенные письма, пустые банки из-под газировки, чеки об оплате продуктов. Сколько ни убирайся, все вернется в прежнее

состояние.

Прислоняюсь спиной к двери своей комнаты и сползаю по ней. Опускаю гитару на колени. Моя комната не такая, как у Аерина. Она пустая, холодная, безжизненная. Здесь нет кровати. Вместо нее матрас, застеленный простыней. Поверх брошено одеяло с подушками. Учебники аккуратной стопочкой сложены на полу. В комоде, таком же старом, как стол Аерина, лежит вся немногая моя одежда.

Через окно, на котором глубокая трещина, чем-то напоминающая мой шрам, смотрю в небо. «Дом, милый дом» – произношу тихо, почти беззвучно, и закрываю глаза, вдыхая знакомый запах старого помещения.

Октябрь

Я сложил руки на парте и опустил на них подбородок, увлеченно наблюдая за ерзаньем Аерина на стуле. Сегодня он особенно чем-то возбужден. Погрызенный со всех сторон карандаш, скинутый его локтем еще в начале второго урока, так и остался валяться под ногами. Изредка Аерин наступает на него подошвой своих кроссовок и перекатывает по полу.

Минутная стрелка в часах, висящих над классной доской, прекратила свой бег еще позавчера, но никто особо не придал этому значения, словно так и должно быть. Учитель в очередной раз остановился около парты Аерина и, не отвлекаясь от чтения пьесы, тонкой тетрадкой ударил единственного в классе рыжего ученика, когда тот в пятый раз попробовал всем корпусом повернуться в мою сторону.

Считая капли моросящего дождя, которые, играя друг с другом, наперегонки скатывались по гладкой поверхности оконного стекла, я втянул носом воздух, надеясь уловить в нем аромат далекого леса вместо приевшегося запаха мела и пыли.

Чуда не случилось.

Ерзанье Аерина усилилось. Я вздохнул. Пока учитель повернулся спиной к классу, чертя на доске инициалы автора, рыжее беспокойство улучило момент, чтобы отвлечься на меня. Зеленые глаза, искрящиеся от восторга, попытались передать накопленные под черепной коробкой мысли. Напрасный труд.

Вдохновленный предстоящим знакомством учеников с новым текстовым произведением, учитель не сразу заметил странные попытки Аерина установить телепатическую связь. Длилось это недолго. Занесенную тетрадку над взлохмаченной головой нерадивого ученика остановила противная трель звонка, извещающая об окончании еще одного школьного дня. Счастливый Аерин показал мне язык и тут же схлопотал от учителя очередной легкий удар вышеупомянутой тетрадкой по макушке. Ничуть не расстроившись, рыжий мальчишка схватил свой рюкзак и, быстро забросив туда учебник с письменными принадлежностями, метнулся ко мне.

Я нарочно медленно собирался, кожей ощущая исходящее желание от Аерина как можно быстрее поделиться последними новостями. Бережно сложил свои немногочисленные пожитки в тканевую сумку, перекинул ее широкий ремешок через плечо, затем, поправив, двинулся к двери, готовясь на ходу выслушать нескончаемый поток слов от Аерина.

– Я нашел тебе группу! – с восторгом выпалил он и замер посередине школьного коридора, дожидаясь моей реакции.

Я безразлично пожал плечами, продолжая путь. Этот жест, нередкий в нашем общении, Аерин спустя месяц научился правильно растолковывать.

– Ребятам нужен гитарист, – торопливо начал пояснять он. – Я сказал, что у меня есть один на примете.

Кажется, до меня начало постепенно доходить, к чему клонит это рыжее бедствие.

– Что скажешь? – продолжал он допытываться, догоняя меня.

Зеленые глаза лучились счастьем. Интересно, сколько оптимизма вмещает в себя его худое тело?

– Скажу, что не умею играть на гитаре, – хмуро говорю, направляясь в сторону выхода.

Аерин следует за мной, не оставляя попыток навязать свою идею. На улице заметно похолодало. С деревьев слетают последние яркие листья, до безобразия оголяя ветви. Кутаюсь в тонкий шарф, спасая горло от коварной ангины.

– Кай, это отличная возможность, – ничуть не смущаясь моего предыдущего высказывания, продолжает Аерин, прекрасно зная, что все его фразы, как бы ни притворялся получатель, все равно достигают пункта назначения.

Его просто невозможно ни слушать, ни слышать. Он врывается в мои мысли и каким-то недостижимым для меня образом, словно щелчком, переключает на себя все внимание, оказываясь ведущим в моей голове. Прячу руки в карманы своей нелепой серой куртки, купленной тетей на распродаже подержанных вещей. Перебираю ногами, мечтая как можно скорее оказаться в тепле собственной комнаты. Под ногами шуршит гравий.

– Я слышал от твоей тети, что психолог, у которого ты проходишь лечение, посоветовал тебе больше общаться с людьми. Ты ведь именно по этой причине ушел с домашнего обучения, – Аерин старается понизить голос до шепота. – Ну, пожалуйста, Кай, я обещал, – просит чуть громче.

Я показательно закатываю глаза. Этот рыжий мальчишка успел добраться и до тети, и до дома, и даже оказался в комнате, нисколько не смущаясь ни мусора, ни нищеты моей так называемой семьи. И все это за какой-то месяц нашего с ним знакомства.

– Кай? – в голосе очередная просительная интонация.

Аерин старается поймать мой взгляд, но я специально отвожу глаза в сторону. Из его рта вырывается пар, устремляясь вверх. Наблюдаю за полетом быстро рассеивающегося облачка, понимая, что проиграл этот бой. Очередная битва закончилась не в мою пользу. В принципе мне должно было плевать на то, что и кому он обещал. Но это в теории. На практике почему-то получается совсем иначе.

– Учти, я не мастер игры на гитаре, – говорю раздраженно.

– Я видел порезы и мозоли на твоих пальцах, – осторожно замечает Аерин.

Их сложно не заметить. Вот уже месяц как я по самоучителю каждый день учусь играть на подаренном мне Аерином и его бабушкой инструменте, пытаюсь своими кривыми пальцами заставить струны звучать менее фальшиво.

– Куда двигать? – задаю вопрос, надеясь управиться со всем как можно быстрее.

– Просили прийти с гитарой.

Так и хочется ляпнуть что-то в ответ, но вместо этого привычно прикусываю язык.

* * *

– Это тут, – радостно сообщает Аерин, показывая рукой.

Мы стоим перед старым открытым гаражом, в котором уже находятся трое парней. Один из них, чуть выше меня и стриженный «под ежик», почти мой ровесник. Почти, потому что его точного возраста я не знаю. Известно только то, что он учится в параллельном классе. Двое других мне не знакомы.

– Я привел! – кричит Аерин, размахивая левой рукой для привлечения внимания.

Вздрагиваю. Никак не могу привыкнуть к его несдержанности. Кошусь на довольную физиономию. Он так и светится от счастья. Лисьи глаза с какой-то непонятной для меня гордостью смотрят на небольшую компанию.

Самый высокий парень, ростом под два метра, встает с металлического ящика и подходит ближе. Рассматривает меня с головы до ног. Я в отместку изучаю его. На нем синяя толстовка с капюшоном и черные джинсы. Вся одежда болтается на тощем теле. Каштановые волосы чуть ниже плеч слегка вьются на концах, карие глаза внимательно оценивают кандидата на роль будущего гитариста, курносый нос втягивает воздух, еле заметно раздувая ноздри. Наконец парень встречается со мной взглядом и дружелюбно улыбается.

– Йенс, – представляется, протягивая руку для пожатия.

– Кай, – киваю, еще глубже пряча пальцы в карман куртки.

Йенс недоверчиво смотрит на меня, затем переводит взгляд на Аерина.

– У него гаптофобия, – поясняет тот, заливаясь краской и выпячивая грудь вперед.

Он что, хочет меня защитить от возможных нападков со стороны? Чувствую себя не в своей тарелке. Аерин, который ниже меня, выглядит воинствующе и вместе с тем немного нелепо. Борюсь с желанием схватить его за воротник серого пальто с черными заплатками на локтях и оттащить в сторону. Молчание затягивается. К нам подтягиваются остальные.

– А это что? – наконец спрашивает Йенс.

Парень с параллели вместо того, чтобы подойти еще ближе, зачем-то вытягивает чуть вперед шею, прислушиваясь к разговору. Прячет руки в карманах красной поношенной ветровки.

– Болезнь такая, – медленно произношу. – Не переносу прикосновения других людей. Не из-за брезгливости. Мне больно. Физически больно, – поясняю, видя отразившееся удивление на лицах у всех троих.

– А, ну ладно, – Йенс наконец убирает протянутую руку. – А лет тебе сколько?

– Пятнадцать, – отвечает за меня Аерин.

– Мой одноклассник, – подает голос мальчишка с параллели, делая шаг ко мне. – Я Свен. – Проводит пальцами по своим русым коротким волосам.

Его серые глаза миндальной формы, почти не моргая, смотрят по очереди то на меня, то на Аерина.

– Хеин, – представляется последний, протягивая мне правую руку.

Йенс бьет его локтем в бок.

– Прости, – поспешно исправляется Хеин, сразу же отдергивая конечность.

Из всех троих он единственный выделяется крепким телосложением и практически черными глазами. Я смотрю на его короткую стрижку с выбритыми висками, думая о том, как же сильно отросли мои волосы. Между Хеином и всеми нами чувствуется небольшая финансовая пропасть. Его одежда выглядит не такой старой и, что самое важное, – сидит на нем по размеру.

– Я вокал, – отрывает меня от разглядывания Йенс. – Свен – бас-гитара. А Хеин, как ты уже понял, барабаны.

Киваю.

– Показывай гитару.

Инструмент зажат в руках Аерина. Он протягивает его Йенсу, и тот присвистывает, сокрушенно качая головой. Напрягаюсь.

– Во-первых, чехла, как я понимаю, у тебя нет?

– Нет, – подтверждает Аерин.

Я молчу, позволяя ему говорить за меня. Мне не слишком нравится самому разговаривать с людьми. Кажется, что слова застревают где-то внутри, царапая горло буквами, а вырываясь наружу, растрачивают всю ценность и теряют смысл.

– Во-вторых, тут струны старые. Местами проржавели, – продолжает Йенс.

Слушаю, что он дальше скажет.

– Ну и, наконец, в-третьих, часть из них провисла. Поменять бы да настроить, – важно заканчивает свою речь.

– А где можно купить? – еще один вопрос от Аерина.

– Зачем покупать? – удивляется Йенс. – Струны и чехол я могу отдать. Я сам хотел научиться играть на гитаре, так что в первую очередь на честно заработанные деньги купил их, – говорит гордо. – А на саму гитару не смог накопить. Да и понял, что не мое это. Петь люблю, а корпеть над инструментом, как оказалось, не очень, – говорит, двигая в сторону гаража.

Скрывается внутри, возится по ящикам, заглядывает на полки, потом хлопает себя рукой по лбу и исчезает в дальнем углу. Выныривает обратно, уже держа в руках необходимые вещи.

– Сколько с меня? – на этот раз спрашиваю сам.

– Забей, – отмахивается Йенс.

– Сколько? – повторяю.

– Дай подумать, – чешет затылок.

Свен, чуть дрожа от холода, перескакивает с ноги на ногу, мечтательно смотрит в сторону гаража, от которого веет теплом. Хеин сложил руки на груди и закрыл глаза.

– Вступишь в нашу группу и продержишься в ней год. Мы, бывает, два раза в месяц даем концерты. Хотя нет, концерты – это сильно сказано. Отец Хеина – владелец одного местного паба. Мы там народ развлекаем за небольшие деньги. Конечно, уровень у нас низкий, но не все ли равно, когда посетители выпьют? Да и им самим не скучно.

– Ладно, – сразу же соглашаюсь, чем удивляю Аерина.

Он поворачивается ко мне. Зеленые глаза широко распахнуты, губы расплываются в довольной улыбке. Стараюсь не смотреть.

– Только я играть не особо умею, – признаю очевидное.

– Да и мы сами консерваторий не заканчивали, – произносит Хеин с закрытыми глазами.

Значит, все-таки не спит, слушает.

– Я вон, за барабанами только третий месяц. Свен вообще бас-гитару вторую неделю в руках держит.

– А чего там долго учиться? Четыре струны, и вперед, – смеется Свен, похлопывая себя по плечам.

– Значит, договорились? – уточняет Йенс.

– Договорились, – киваю.

– Приходи в субботу. У нас репетиция будет. Заодно покажу, как струны менять. И инструмент попробуем вместе настроить.

– А почему не завтра? – задает вопрос Аерин, пока я складываю гитару в чехол и застегиваю на нем молнию.

– У нас в пятницу с Хеином важный тест. Нужно готовиться.

Закидываю чехол на плечо и кивком прощаюсь с остальными. Аерин пожимает руки и идет следом за мной. Гордый, важный, счастливый. Я, как обычно, держу руки в карманах куртки. Аерину этого делать не нужно. Рукава его пальто настолько длинные, что видны только кончики пальцев.

До перекрестка, где наши пути расходятся, доходим в молчании. Обычно я ничего не говорю, перед тем как свернуть на свою улицу, а вот Аерин, наоборот, может засыпать несколькими вопросами, обсудить предстоящий день, да и просто говорить о чем-то незначительном, старательно растягивая прощание на полчаса. Когда мне это надоедает, я просто разворачиваюсь к нему спиной и иду к своему дому под привычный крик: «Приходи завтра без Герды». Но в этот раз я не могу так поступить.

Мне непривычно, чуждо, непонятно, когда кто-то старается ради меня. И вместе с тем в моей груди приятным теплом разливается что-то такое хрупкое, тонкое. Такое, что хочется прятать ото всех, пока оно еще не окрепнет, не обретет уверенность и не заполнит собой все мое тело.

– Спасибо, – говорю Аерину.

На этот раз слово с легкостью вырывается из моего горла, не оставляя после себя неприятных ощущений. Я действительно ему благодарен и чувствую вину за то, что с самого начала не оценил его стараний.

Аерин еще шире расплывается в улыбке. Для него услышать от меня «спасибо» – самая высшая награда. И не потому, что я редко бываю благодарным или практически не разговариваю. Просто он каким-то образом понимает – мне сложно произносить такие простые слова, сложно выставлять на обозрение свои чувства.

Разворачиваюсь и шагаю по направлению к своему дому, оставляя Аерина позади.

– Кай! – кричит он мне вдогонку. – Приходи без Герды!

Гитара в чехле греет спину. Губы против воли растягиваются в улыбке, которую никак не удастся убрать.

Надеюсь, я смогу вернуть Аерину хотя бы часть той доброты, которую он, не жалея, тратит на меня.

Ноябрь

– Ты издеваешься, Йенс? – в очередной раз не выдерживает Свен.

Я сижу на железном ящике с ржавыми боками недалеко от Аерина. В моих руках точно такой же листок бумаги в крупную клетку, который сейчас сжимает в пальцах бас-гитарист. Хеин, прислушиваясь к разговору, меняет мощность на

переносном обогревателе. Раздается щелчок.

Сейчас середина ноября. Остров, на котором расположен наш городок, со всех сторон продувается холодными ветрами.

– Я всего лишь заменил несколько аккордов. – Йенс пожимает плечами и подходит к микрофону, бьет по нему указательным пальцем, проверяя наличие звука.

В этом нет смысла. Микрофон подключен, и Йенс прекрасно это знает. Но сейчас он готов делать что угодно, лишь бы не встречаться взглядом с участниками группы.

– Несколько? Да ты чуть ли не всю песню переделал! – продолжает спорить с ним Свен. – И, между прочим, далеко не в первый раз.

Я пробегаюсь глазами по коряво прописанным аккордам. Часть из них перечеркнута в листе и там же исправлена на новые. Аерин заглядывает через мое плечо в бумажку. Старательно делает умный вид, а затем утыкается обратно в позаимствованную из библиотеки книгу по художественной анатомии человека. Последние три с половиной месяца он усиленно мучает своего учителя живописи разнообразными вопросами насчет форм, теней, построения перспективы. Наставник, удивленный таким внезапным порывом к искусству, с удовольствием рассказывал все нюансы и делал зарисовки в блокноте Аерина, исправляя уже готовые рисунки. Правда, вскоре устал день за днем отвечать на нескончаемый поток вопросов ученика. Пару раз он даже прятался от Аерина или, заведя его на горизонте, резко сворачивал в другую сторону. Но я знал, что все эти жалкие попытки бессмысленны.

– Кай, скажи ему, – отрывает меня от разглядывания книги Свен, тыча пальцем на вокалиста.

Смотрю в серые миндалевидные глаза бас-гитариста. Тот ежится, читая застывший вопрос у меня на лице: «Ты в своем уме?» Сейчас говорить что-то Йенсу означает добровольное желание лечь на асфальт перед медленно надвигающимся на тебя катком. Свен стискивает пальцами гриф гитары, продолжая держать в другой руке полученный листок от вокалиста.

– Хеин? – уже менее уверенно подает голос Свен, обращаясь к барабанщику.

Тот, как обычно, сидит за установкой с закрытыми глазами. Слыша свое имя, вопросительно приподнимает одну бровь, не меняя позы.

– У нас до концерта меньше месяца, – говорит Йенс, поворачиваясь спиной к двери гаража.

На его лице застыло напускное спокойствие.

– Тогда какого фига ты меняешь в пятый раз мелодию? – повышает голос Свен.

Я наблюдаю за этими двумя, пока Аерин, усиленно пыхтя, пытается перерисовать из книги в альбом набросок человека с помощью огрызка карандаша. Чувствую, учителю по живописи завтра придется туго.

– Потому что группа «Северный фьорд» должна сыграть безупречно, – тоном, не терпящим возражения, произносит Йенс.

Ну да, конечно. Прячу ироничную улыбку за листом бумаги. Гитара зажата между коленями. Я, Хеин и Свен – второй состав группы. Первый развалился, когда трое участников покинули остров по разным, не зависящим друг от друга, причинам. Как раз именно они и выступали в пабе у отца Хеина два раза в месяц. Так что тот концерт, о котором постоянно твердит Йенс, у нынешнего состава будет первым.

Не желая смотреть на спор, утыкаюсь взглядом в альбом Аерина и с удивлением замечая, что есть прогресс. Небольшой, но все же заметный. Пальцы и ребро ладони его правой руки перепачканы грифелем карандаша. Даже на щеке появилось небольшое пятно.

– Ладно. Пора по домам, – прерывает молчание Йенс, натягивая на себя объемную куртку. – Я еще родителям должен помочь.

В верхней одежде он напоминает круглый шар на тоненьких ножках. И честно, со стороны, наверное, можно было бы посмеяться, если бы не одно но. Нам всем благодаря «богатому» разнообразию дешевой одежды в нынешних магазинах

приходится копировать стиль друг друга. Мой пуховик выглядит на мне так же нелепо, как и куртка на Йенсе. Но меня это не смущает, потому что из-за его объемности и толщины я практически не чувствую прикосновения людей. Вот такая вот своеобразная броня. Правда, раскрывать этот секрет другим не тороплюсь.

Застегиваю чехол и вешаю его на плечо. Жду, пока Аерин сложит потертую книгу, альбом и карандаш в рюкзак. Когда все готовы, прощаемся с Хеином и выходим из гаража его родителей на улицу. Снег скрипит под нашими высокими шнурованными ботинками из кирзы, которые различаются между собой только царапинами и потертостями.

– Свен, как у тебя с подошвой? – задает вопрос Йенс, накидывая на голову капюшон.

– Нормально, а что?

Они говорят обычным будничным голосом, позабыв про свой совсем недавний спор.

– Да мои начали разваливаться. Вроде бы недавно купили и вот, – говорит, приподнимая левую ногу.

Втроем смотрим на его обувь. Подошва сбоку слегка отклеивается.

– Да, – первым говорит Свен. – Фигово. Значит, и моим осталось недолго.

Пока они обсуждают предстоящие траты, в моей голове возникает неожиданная мысль. Расстегивая куртку и подставляя оголенное горло резким порывам ветра, вытаскиваю из внутреннего кармана плеер с треснутым экраном. Аерин внимательно наблюдает за моими движениями, закусив нижнюю губу и пытаюсь прочесть мою идею. Я глазами показываю ему на Йенса. Аерин, сразу понимая, что именно я хочу сделать, тянет вокалиста за рукав куртки в мою сторону. Йенс поворачивается и, замечая в моих руках плеер, слегка приоткрывает рот от удивления. Еще бы.

– Твой? – хриплым голосом интересуется.

Пожимаю плечами. Аерин, стоя рядом со мной в ярко-зеленом пальто чуть выше колен, отвечает на вопрос вместо меня. Впрочем, как и всегда.

– Тетин. Был. Теперь вот Кая.

– У твоей тети много денег?

Губы против моей воли расплываются в иронической улыбке. Ну, конечно, если бы у моей тети были бы деньги, я бы не выглядел точно так же, как и все остальные. Йенс, понимая, что сморозил глупость, указательным пальцем смущенно почесывает кончик носа.

– Возьми на время послушать, – безразлично говорю.

Вокалист протягивает руку с открытой ладонью, помня о том, как сильно я боюсь прикосновений. Бросаю плеер ему на ладонь и застегиваю куртку, спасаясь от холода. Йенс непонимающе смотрит на меня. Убираю руки в карманы пуховика и быстрым шагом направляюсь домой. Аерин что-то втолковывает вокалисту, затем бросается следом за мной. В молчании мы доходим до разветвления дороги.

* * *

Уже подходя к дому, я почувствовал неладное. Во всех комнатах горел свет. Казалось, в вечерней темноте яркие глазницы окон с голодной жадностью вглядывались в самую душу, заставляя кожу покрыться мурашками.

Дыхание перехватило от страха. Я дернулся вперед, вбежал по ступенькам крыльца и рванул на себя дверь. Перед взором предстал коридор, заваленный всяким хламом. На тумбочке валялась пустая пластиковая банка из-под таблеток. Белые пилюли рассыпались по полу. Переступая через деревяшки и мусор, продвигаюсь в глубь дома, стаскивая заледеневшими пальцами вязаную шапку с головы. От нехорошего предчувствия ломит затылок. Шумно сглатываю и неожиданно для самого себя замираю, прекрасно понимая, чего ожидать дальше. Все это уже происходило. В бессилии разжимаю пальцы, и шапка падает к моим ногам.

– Милый, ты дома? – мелодичный голос тети нарушает тишину дома.

Сердце пропускает удар.

Два раза в год тетя отказывается принимать свое лекарство, позволяя биполярному расстройству прогрессировать.

Напрягаюсь, вслушиваясь в интонации ее голоса. Излишне доброжелательный тон, тянущиеся гласные. Она не принимала таблетки три дня.

– Милый? – вновь раздается ее голос.

Не двигаюсь с места.

– Я решила затеять перестановку.

Перестановка может длиться неделю, если не заставить тетю проглотить эти долбаные таблетки. А еще она, отмахиваясь от моей гаптофобии, считая, что эту болезнь, потакая моей детской прихоти, навязали мне врачи, будет постоянно дотрагиваться до меня. А потом, возможно к утру, находясь в сильном возбуждении, не сможет уснуть и постарается вместе со мной в очередной раз смотаться подальше с нашего маленького островка. Вплавь. Игнорируя ледяные волны и расстояние до другого города.

«Милый, тут недалеко», – проносятся в голове воспоминания прошлого декабря. В ту ночь снег только-только прекратил валить белыми крупными хлопьями. Тетя стоит по колено в море и машет мне, приглашая присоединиться. Ее каштановые волосы, обычно собранные на голове в тугий пучок, растрепаны. Черная юбка промокла. Белая тонкая кофта с короткими рукавами заляпана грязью и пылью. Из-за приступа тетя не чувствует холода, но я вижу, как посинели ее губы. Она через силу улыбается мне, показывая, что все хорошо, что не о чем беспокоиться. Осторожно шагаю по обледеневшему берегу и слышу треск тонкого льда под своей подошвой. Собственный пульс шумом отзывается в ушах. Необходимо уговорить тетю вернуться домой. Силюсь что-то сказать, но слова теряются в груди. Тетя подскакивает ко мне, наклоняется вперед, хватая за запястье. Ледяные тонкие пальцы с неженской силой вцепляются, оставляя после себя красные отметины на бледной коже. Не замечая моих панических всхлипов, изредка прерывающихся стоном боли, тетя тянет за собой вперед, в

глубины моря, позволяя его волнам набрасываться на меня.

– Кай? – слышится из дальней комнаты.

Мое имя, произнесенное вслух тетей, отрезвляет. Крепко сжимаю зубы, отпуская собственное запястье. Тут же хватаюсь за лямку чехла на плече, делаю глубокий вдох, считаю до трех и вырываюсь за дверь, прочь, в бушующую зиму.

* * *

Путь до дома Аерина теряется в расплывчатых воспоминаниях. Не могу даже точно сказать, почему решил направиться именно сюда. Только оказавшись возле двери с занесенным кулаком, в нерешительности замираю. Мысли путаются в голове, не желая выстраиваться в логически осмысленные фразы.

Дверь неожиданно открывается. Бабушка Аерина с заплетенными волосами в косу и в шерстяном клетчатом платье смотрит на меня долгим, внимательным взглядом.

– Ну? – наконец произносит. – Заходи. И так уже минут десять стоишь.

Она отходит, пропуская меня внутрь. Теплота дома окутывает приятным коконом, позволяя крови, застывшей от холода, быстрее побежать по венам. Опускаю чехол с гитарой, прислоняя к стене. Медленно, покрасневшими пальцами, расстегиваю молнию и стаскиваю с себя куртку. Вешаю на свободный крючок, между другой верхней одеждой.

– Иди спать. В комнате Аерина уже постелено, – произносит Мария, пододвигая ногой домашние тапочки.

Переобуваюсь и послушно направляюсь в сторону лестницы, опустив взгляд. В груди что-то ноет, и мне хочется завыть в унисон, но вместо этого сдерживаюсь, кусая нижнюю губу.

Так же, в молчании, поднимаюсь по лестнице, слушая скрип ступеней под своими ногами. В темном коридоре, ориентируясь по памяти, нахожу комнату. Делаю глубокий вдох и медленно, волнуясь, открываю дверь. Пройдя вперед,

закрываю за собой. Раздеваюсь, бесшумно бросая вещи на пол. Ложусь под одеяло. Сворачиваюсь, прижимая колени к груди. Горькие слезы текут из глаз, заставляя подушку пропитываться влагой. Пытаюсь проглотить ком в горле, но кажется, что от этих никчемных усилий он только становится больше. Защита, которую я столько лет упорно строил между своим внутренним и внешним – реальным миром, дала трещину. От жгучего стыда горят щеки. Обнимаю себя за плечи, стараясь унять нервную дрожь.

– Спокойной ночи, Кай, – тихо произносит Аерин.

Его голос неожиданно успокаивает, позволяя расслабиться. Я закрываю глаза, ощущая прикосновение влажных ресниц к нижнему веку, и проваливаюсь в беспокойный сон.

Конец декабря

Остров занесло снегом. Теперь, чтобы пройти по нерасчищенным дорожкам, приходилось утопать по щиколотку в сугробах.

Я стою рядом с пабом отца Хеина. Плечо оттягивает чехол с гитарой. За прошедшее время Йенсу удалось создать мелодию и слова, которые полностью его устраивали. Нас же устраивало то, что вокалист перестал постоянно переписывать песню. До Нового года остаются считанные часы. Я дышу на свои заледеневшие пальцы, стараясь их согреть и унять внутреннее беспокойство. Сегодня у нового состава «Северный фьорд» первый концерт. Мы сильно нервничаем. Хотя и стараемся не показывать этого, напряженно смеясь последнюю неделю над совсем несмешными шутками.

К назначенному времени я пришел последним. Стою перед дверью, никак не могу совладать с собой, чтобы распахнуть ее и войти внутрь, впуская холодный воздух с улицы. Облизываю потрескавшиеся губы, дышу ртом. Наконец хватаюсь за ручку и, задержав дыхание, резко тяну на себя. Шум и тепло паба вырываются из помещения. Колокольчик, прикрепленный к двери, разливается мелодией, сообщая о новом посетителе. На меня никто не смотрит. Никто, кроме Аерины. Даже отсюда, с порога, я могу рассмотреть появляющуюся улыбку на его губах. Он вскакивает с небольшой импровизированной сцены в самом конце

паба и машет мне.

Я так и не смог поблагодарить его семью за то, что приютили меня в ту ночь. Не смог произнести простые слова, за что до сих пор корю себя.

Торопливо двигаюсь к Аерину, глядя в его большие зеленые глаза. Они что-то вроде моего личного маяка в этом шумном прокуренном и жарком пабе. Не дают сорваться и выбежать обратно. Свен тихо разговаривает с Йенсом. Хеин сидит за барабанами. Он еще вчера их установил и теперь только ждет команды, чтобы начать концерт. Рядом со сценой небольшой стул. На нем деревянный ящик. Туда люди, которым понравится наше выступление, опустят деньги. Йенс говорит, что благодаря празднику посетители должны расщедриться, и поэтому, даже когда мы разделим полученную сумму, у каждого останется приличное количество денег. Я не знаю, что покупать на них, поэтому просто отложу. Аерин собирает часть суммы отдать бабушке, а часть копить.

Эбер и Руэри тоже здесь. Сидят за ближайшим столом к сцене и неспешно потягивают пиво. Они несовершеннолетние и наливать алкоголь им не должны, но сегодня – из-за надвигающегося праздника – это правило временно не действует.

Остановившись рядом с Аерином, снимаю чехол с плеча и аккуратно вытаскиваю гитару. Любовно поглаживаю гриф. Пальцы немного дрожат. Это от волнения.

– Опоздал, – говорит Йенс, обращаясь ко мне.

Я пожимаю плечами. Очень трудно, прожив долгое время незаметным, выставить себя на всеобщее обозрение перед толпой незнакомых людей.

– Твоя тетя сегодня будет здесь? – продолжает расспрашивать Йенс.

Я не отвечаю. Мне не очень хочется говорить о ней и о ее здоровье. Аерин никому не рассказывал о той ночи, когда я оказался на пороге его дома. И я благодарен ему за это.

– Нет. Она уехала, – отвечает за меня Аерин.

Я киваю в подтверждение его слов. На самом деле тетя здесь, на этом острове. Но из-за возобновившегося лечения ее постоянно тянет в сон. Так что эту ночь она скорее всего проспит. И мне, честно говоря, от этого спокойно.

– Ладно, пора, – произносит Йенс.

Его глаза в возбуждении блестят. Он тот, кто всецело отдан музыке. Ему не терпится начать концерт. Я залезаю на импровизированную сцену. Пробегаюсь взглядом по гирлянде из разноцветных лампочек. Усаживаюсь на стул и опускаю гитару на колени. Зажимаю пальцами правой руки гриф. Левая опускается на струны. Дышу через раз. Боюсь, что смогу забыть ноты или же не успею сыграть нужный аккорд. Меня накрывает паническая атака. Усилием воли заставляю себя сидеть на месте. Капля пота течет по шее. Воротник черного колючего свитера сжимает горло. Я разглядываю других участников группы.

Хеин открыл глаза. Взял в пальцы барабанные палочки, выпрямился. Свен, улыбаясь, встал недалеко от Йенса. Я видел, как дрожала нижняя губа бас-гитариста. Видел его бледное лицо.

К горлу подкатывает тошнота. Паб расплывается, превращаясь во что-то яркое, быстрое, мельтешащее. Мое собственное имя, произнесенное Аерином, возвращает меня в прежнее, пусть и не до конца нормальное, но все же относительно спокойное состояние. Я концентрирую взгляд на лице рыжего мальчишки. На его веснушках. На взлохмаченных прядях волос. Смотрю неотрывно в его глаза.

Вдох. Йенс о чем-то говорит в микрофон. Смеется, размахивает руками, кланяется толпе людей.

Выдох. Сглатываю ком в горле. Аерин ободряюще улыбается. Его пальцы сжимают салфетку. Он сидит вместе с братьями, неотрывно глядя на меня.

Еще один вдох. Сердце сжимается.

Выдох. Пульс стучит в голове.

Сколько прошло с того момента, как Йенс представил нас посетителям? Я взмок. Нужно было снять свитер. Остаться в футболке. Какую песню мы играем первую? «Холодный ветер приходит с севера» или «Плотный туман за моей спиной»? А может «Неспокойное море на закате»? Почему именно сейчас я все забыл?

Тело каменеет. Я смогу играть? Смогу перебирать пальцами струны?

Вокалист поднимает руку. Краем глаза смотрю, как он медленно сжимает пальцы в кулак. Это знак. Не сбиться, не сбиться, не сбиться.

Вдох. Кулак поднят высоко вверх.

Пора.

Выдох. Я ударяю по струнам.

Паб наполняют мелодичные звуки. Музыка окутывает спокойствием. Я закрываю глаза, отдаваясь мелодии, точно так же, как ей отдается Йенс. Звучат барабаны Хеина. Спустя проигрыш к нам присоединяется Свен, внося своей игрой на бас-гитаре необходимую грубость. Голос вокалиста поет о судьбе парня, что ушел с рассветом в море и потерялся в его водах, не сумев вернуться на закате к любимой.

Открываю глаза, продолжая перебирать струны. Мой взгляд устремлен на Аерина. Я не слышу ничего, кроме мелодии и голоса Йенса. Я един с музыкой, един с группой «Северный фьорд». Я часть потока. Слегка закидываю голову вверх. Вокалист разводит руки в стороны, затем прижимает к груди. Хеин ударяет по барабанам. Вспыхивает яркий свет и тут же гаснет. Сцену освещает только гирлянда из маленьких огоньков.

Теряюсь в потоке времени. Песня сменяется другой. Потом начинается новая. Все без передышки, без пауз. Свен прижимается своей спиной к спине Йенса, подпевает слова.

Не понимаю, когда паб взрывается овациями и когда заканчивается концерт. Я словно в трансе. Отстраненно наблюдаю за тем, как часы бьют двенадцать и со всех сторон слышатся поздравления. Смотрю на людей и поднятые вверх

кружки. Меня затягивает в круговорот, из которого невозможно выбраться. Йенс что-то говорит мне в лицо, протягивает бутылку. Я механически беру ее в руку, делаю глоток. Горький напиток разливается внутри. На языке жженный терпкий привкус ячменя.

Слезаю со стула и сажусь на край импровизированной сцены рядом с Аерином. Между нашими плечами расстояние примерно в два с половиной сантиметра. Раньше я обязательно отодвинулся бы, но не сейчас.

– С Новым годом, Кай, – весело говорит Аерин.

Я отстраненно киваю, поворачивая к нему голову. Слегка удивляюсь тому, насколько близко мы находимся друг к другу. Аерин ударяет горлышком своей бутылки о мою и делает глоток. Морщится. Руэри забирает из его рук пиво и растрепывает волосы брата.

– Мелкий еще, – говорит, опустошая бутылку почти наполовину, а затем передает ее Эберу.

Дальше все как в тумане. Не из-за алкоголя. Причина в нахлынувших эмоциях, с которыми ранее мне не приходилось сталкиваться.

На смену пабу приходит дорога в сторону дома Йенса. Мы идем через лес, потому что так быстрее. Проваливаемся по колено в сугробы, выдыхая пар изо рта. Я постоянно ищу глазами Аерина и успокаиваюсь, когда нахожу его. Он о чем-то болтает, не замолкая ни на минуту. Впереди спина Свена. Чуть дальше – Йенс и Хеин. Вокалист наклоняется, зачерпывает снег голыми руками и, резко развернувшись, бросает его в бас-гитариста. Тот уклоняется. Снежок прилетает мне в грудь. Слабо ударяется. Аерин реагирует быстрее, швыряя в сторону Йенса ответ. На этот раз попадает Хеину. Завязывается перестрелка, в которой я тоже принимаю участие.

Уклоняясь от снарядов, мы бросаемся в сугробы, прикрывая голову руками и оглашая своим веселым смехом зимний лес. Носимся друг за другом, стараясь засыпать снег за шиворот.

Пока я стараюсь догнать Свена, на меня сзади набрасывается Аерин, валит вниз. Сидит на мне, победно крича что-то о пойманном ледяном мальчике, а я

старательно отплевываюсь от снега во рту. Скидываю его с себя и неожиданно легко щелкаю по носу. Раскрасневшиеся, тяжело дыша, мы замираем. Я напрочь забыл о своей гаптофобии. Но это не значит, что она прошла. И Аерин это понимает. Я отодвигаюсь в сторону, встаю на ноги, отряхиваюсь от снега, поднимаю чехол с гитарой.

– Холодно, – стуча зубами, кое-как произносит Йенс.

– Долго еще до твоего дома? – задает вопрос Свен, поправляя шапку.

Йенс отрицательно качает головой, переступая с ноги на ногу. Вся наша одежда промокла от пота и снега. Холодный ветер подгоняет вперед, заставляя двигаться быстрее. Когда вдалеке появляются деревянная ограда и двухэтажный дом, наша компания ускоряется. Мы выходим на почищенную дорожку и бежим, соревнуясь, кто первым доберется до двери.

Оказываясь внутри дома, стаскиваем куртки и обувь. Вешаем на крючки у дальней стены и поднимаемся на второй этаж – в комнату Йенса.

Йенс говорит о том, что его родителей не будет сегодня, так как они отправились отмечать Новый год в гости и, следовательно, мы можем остаться здесь до утра. Он вытаскивает из комода старые вещи и раздает каждому из компании, затем отправляет в ванную. «Будет не круто, если заболеем», – ведет себя по-взрослому. Мне достаются серые спортивные штаны и черная кофта с длинными рукавами. Аерину протертые на коленях бриджи и оранжевая вылинявшая футболка.

Пока один занимает ванную, остальные по очереди вытаскивают из старого, на всю стену, шкафа угощение. Домашние пироги с мясом, несколько двухлитровых бутылок сладкой газировки, печенье, чипсы, кулек каких-то конфет, апельсины.

Комната Йенса большая. Мы садимся в центре на старый ковер, создавая круг. За моей спиной двухэтажная кровать, застеленная синим покрывалом. За спиной Хеина низкий стол. Стены обклеены плакатами неизвестных мне рок-групп.

– С Новым годом, – произносит Йенс и открывает газировку.

– С Новым годом, – по очереди повторяют остальные, подставляя пластиковые одноразовые стаканчики.

Я улыбаюсь, впервые ощущая праздник.

Февраль

Она пришла в феврале. Вместе с метелью. Я видел корабль, который доставил ее на наш остров. Видел, как она стояла на берегу рядом с какой-то молодой женщиной, разглядывая местность, сжимая в пальцах ручку потертого коричневого портфеля. Резкие порывы ветра развеивали полы ее черного, накинутого на плечи, пальто. Ее кожа была такой же бледной, как и моя. И под ней так же отчетливо проступали синие тонкие вены.

Я смотрел на нее сверху вниз, сидя на уступе скалы, чувствуя, как глухо, под ребрами, бьется мое сердце. Она вызывала во мне дрожь и смятение. Я ощущал исходящую от нее угрозу, но не мог понять, чего именно нужно опасаться.

Мой взгляд был прикован к ней. К ее тонкой, хрупкой фигуре. И словно почувствовав это, она повернулась в мою сторону, заставляя непроизвольно сжать зубы. Ее глаза. Они были точно такого же синего цвета, как и мои.

Ветер рвал ее длинные белые волосы, а она стояла и смотрела на меня. Я замер и, кажется, перестал дышать. Снег падал за шиворот моей расстегнутой из-за сломанной молнии куртки. Таял, стекая холодными каплями по разгоряченной шее.

Рядом с ней прошло несколько человек, временно пряча ее от моих глаз и позволяя мне моргнуть. Но как только они удалились, мы вновь продолжили играть в гляделки.

Повинуясь какому-то внезапному порыву, она подняла правую руку и медленно мне помахала. Я резко, носом, втянул морозный воздух. Он обжег горло, проникая через бронхи в легкие. Этот обычный, приветливый жест с ее стороны стал для меня объявлением войны.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

1

Глупый человек (пер. с ирл.).

2

Бестолочи (пер. с ирл.).

Купить: https://tellnovel.com/ru/mir_yan/kay

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)